

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ ФАКТОР СИСТЕМНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

С.А. Кравченко, А.И.Подберёзкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Россия, Москва, 119454, проспект Вернадского, 76.
Институт социологии РАН, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.

Статья посвящена анализу взаимосвязи социальных аспектов интернет-сетей и вопросов обеспечения безопасности России. В ней показано, что современные реалии обретают глобо-сетевой характер, что амбивалентно сказывается на развитии цивилизационных и общественных взаимодействий. С одной стороны, социальные сети открывают новые возможности для взаимодействия людей, проживающих в разных странах, с другой стороны, – они могут быть использованы для проведения политики эксклюзии на глобальном уровне, что объективно производит новые риски и уязвимости. Особо рассматриваются возможности инсценирования реальности глобального риска в социальных сетях, что в качестве ответной реакции может провоцировать военно-политические конфликты и даже войны. В контексте прагматизации и глобализации политики акторов западной локальной цивилизации сети обретают качества нового и высокоэффективного вида оружия, предназначенного для разрушения и уничтожения наиболее приоритетных политических целей. Конкретно анализируется характер современной политики и войны с точки зрения возможного использования социальных сетей. Преодоление новых рисков и уязвимостей безопасности авторы видят на путях смены вектора развития научного знания с прагматического на гуманистический.

Ключевые слова: социальные сети, сетевое общество, инсценирование, международная обстановка, военно-политическая обстановка, безопасность государства, информационная борьба, новые виды оружия, новые способы ведения военных действий, гуманистический поворот.

В начале XXI в. резко обострилась международная и военно-политическая обстановка, что обусловлено стремлением акторов западной локальной человеческой цивилизации сохранить своё доминирование в мире. Это произошло, с одной стороны, на фоне уничтожения главного конкурента Западу в виде Организации Варшавского Договора и СССР, остатки которых перестали представлять ему угрозу. Как заметил Е. Фёдоров, в 1991 г., потерпев поражение, мы не просто стали другим государством или другими пятнадцатью государствами, мы стали государствами, получившими внешнее управление [25, с. 16]. С другой стороны, признание эффективности силовых политических инструментов привело к реанимации политики силы. В западном общественном сознании сформировался парадокс: не мир, а война стала рассматриваться как фактор безопасности. Так, по мнению известного социолога Я. Морриса, наш мир стал безопаснее именно благодаря войнам [15, с. 11].

Общий ход развития событий в Европе и мире объективно привёл к созданию и использованию новых средств и способов ведения силовой политики. Среди них особенно эффективными оказались информационно-психологические средства, создаваемые на базе появившихся в конце XX в. социальных сетей. Социум, по существу, обрел *глобо-сетевой* характер. Как отмечает известный испанский социолог М. Кастильяс, зарождается и получает развитие «новая форма общества, сетевого общества», последствия чего были амбивалентны. Наряду с явными преимуществами, открывшимися для взаимодействия стран и народов, возникли новые неравенства: «Глобальные сети включают одних людей и территории и исключают другие» [28, с. 17]. Эти новые реалии – возможности *выборочной инклюзии и эксклюзии на глобальном уровне* – западные политики попытались использовать исключительно в своих прагматических и подчас меркантильных интересах, что, естественно, порождает новые риски и уязвимости [7].

Можно с уверенностью утверждать, в XXI в. появился новый вид оружия, причём оружия массового поражения – механизм «*инсценирования реальности* глобального риска» в социальных сетях... «через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим – зачастую с целью избежания её принимаются значимые решения в настоящее время» [27, с. 10]. Так, инсценирование рисков свободе и демократии привело к «беспрецедентным» войнам в Афганистане и Ираке, потому что они «были первыми войнами в человеческой истории против культурно производимого риска» [26, с. 147]. Как видно, инсценированные угрозы благодаря манипулятивному воздействию на сознание людей могут превращаться в реальные опасности, имеющие тенденцию распространяться во времени и охватывать всё новое пространство.

С тех пор данный тип оружия быстро развивается и всё чаще применяется. В очередной раз подтвердился закон, в соответствии с которым новые средства ведения войн неизбежно ведут к появлению новых способов их применения, т.е. изменениям во всех областях военного искусства, формированию принципиально новых угроз национальной безопасности. Именно такой новой угрозой национальной безопасности [17, с. 310 - 314] стали социальные сети, точнее, – их использование в качестве силовых средств внешней и внутренней политики, что нашло свое отражение даже в нормативных документах российского государства, где подчеркивается их значение в качестве средства «информационного давления» [24].

Отличительной особенностью оружия инсценирования рисков является прежде всего то, что оно далеко не всегда и не всеми признается оружием потому, что не относится к традиционным средствам поражения, хотя решение и его применение принимаются на самом высоком политическом уровне, а последствия таких решений носят далеко идущий политический характер. Так, запрет на использование сети LinkedIn в России, принятый 17 ноября 2016 г., привёл к официальному протесту со стороны правительства США [20].

Однако, если продолжать полагать, что классическая формула «война есть средство политики» сохраняет свою актуальность, то принципиально важным становится то, насколько те или иные средства и способы борьбы эффективны для достижения политических целей, а не то, насколько они обладают огневой мощью или другими классическими и традиционными показателями боевой эффективности. Надо наконец-то признать, что подобный подход, в основе которого лежит деление средств вооруженной борьбы на «стреляющие» и «обеспечивающие», уже давно не актуален. На практике оказывается, что «не стреляющие» средства вооруженной борьбы, к которым относится инсценирование рисков и угроз в социальных сетях, оказываются и более опасными, и более эффективными, чем традиционные средства огневого поражения. Тем более, что такое деление на «летальные» и «не летальные» часто удобное прикрытие для прямого военного вмешательства в дела других государств.

Кроме того, в последние десятилетия в военном искусстве произошли серьёзные изменения системного характера, в результате которых собственно военные средства стали использоваться в качестве обязательного компонента силовой (но не обязательно военной) политики. В США, например, в современной военной стратегии признается «подчинённость» собственно военных средств использованию других средств воздействия в политике: «Наши военные (возможности) поддерживают дипломатические, информационные и экономические действия, предназначенные обеспечить наши националь-

■ Исследовательские статьи

ные интересы» [29, с. 5]. В этой связи примечательно, что в военной стратегии США именно военные средства содействуют повышению эффективности применения иных силовых средств, а не наоборот.

При этом и в политическом, и в военном искусстве социальные сети в наибольшей степени отражают именно социальные особенности первого и второго видов искусств, которые – и об этом нельзя забывать – имеют исключительно важное значение. По сути в современной политике через инсценирование различных смыслов в социальных сетях создан механизм максимально полного учёта индивидуальных потенциалов личностей и их использования, допускающий создание эффектов манипулирования огромными массами людей, особенно в условиях неопределённости, дисперсии виртуального и реального. Как писал в своё время гениальный военный теоретик Р. Грин, «Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами – отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для неведомого всегда остаётся простор...» [2, с. 58].

Таким образом принципиально новой реальностью военно-силового противоборства в XXI в. стало стремительное развитие и быстрое использование в борьбе субъектов и акторов – участников формирования международной обстановки (МО) средств информационной войны, прежде всего, интернета и социальных сетей, которые превратились в важнейший фактор системной безопасности. Этот фактор стёр и без того условную грань между МО и ВПО, которая стала ещё менее заметной, а роль силовых (но не военных средств) принуждения в политике ещё более усилилась. Сегодня уже трудно, а часто и невозможно определить грань между состоянием «мира» и «войны» – государства воюют, используя многочисленные средства и способы, но одновременно и участвуют в переговорах, торгуют и даже обмениваются визитами.

Это обстоятельство – «война без войны» –, в свою очередь, привело также к тому, что производство инсценированных *различных смыслов* в социальных сетях превратилось в важный фактор не только военно-политического успеха, но и классического обеспечения безопасности, мира и стабильности, от степени которых непосредственно зависит масштаб и актуальность угрозы. «На рубеже нынешнего века мир перешёл к новому типу противоборств, осмысление которого продолжается, – справедливо подчеркивает Е. Егоров. – Механизм «порабощения» противника претерпевает качественные изменения. Из научного лексикона вытесняется категория «война» категорией «операция». Сущность общественного явления от этого не меняется. Речь идёт о сетевых войнах, сетевых подходах к ведению противоборств» [3, с. 180]. И далее: «Сеть» в широком понимании включает в себя одновременно различные политические и социальные составляющие. Ими могут быть –

боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, академическая наука, технические инновации т.д.

«Сеть» стала неразрывно связана с политической и вооружённой борьбой. Особенно когда сложились условия для ведения сетевых войн, в которой огромная роль принадлежит субъективному и когнитивному факторам, а также инсценированию смыслов. При этом главная особенность сетевых войн, которая неизбежно отражается на характере современной международной обстановки, заключается в том, что она не имеет начала и конца, она ведётся постоянно, и её цель – обеспечить тем, кто её ведёт, способность всестороннего управления всеми инструментами влияния в политике и действующими силами человечества.

При этом существующие «громоздкие государственные структуры и международные организации, по мнению специалистов, не способны быстро реагировать на вызовы времени» [14, с. 138]. Это означает, что неконтролируемое мировым сообществом внедрение «сети» представляет собой новую *глобальную эксклюзию* стран, народов, армий и правительств мира, лишение их самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жёстко управляемые, запрограммированные механизмы. В этом смысле мир, по мнению ряда исследователей, находится в постоянном информационном противоборстве, которое является весьма широким понятием, более глубоким по содержанию чем информационная война [3, с. 181]. Это противоборство проходит на цивилизационном уровне между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ), когда победа или поражение рассматриваются как бескомпромиссный результат такого сражения, выражающийся в потере суверенитета, национальной идентичности, территорий и исчезновении самих наций [18, с. 13 - 24]. Таким образом социальные и государственные противоречия во многом попадают под влияние более мощных, цивилизационно-культурных, противоречий между субъектами МО и ВПО, а социальные сети и интернет в целом становятся инструментом политики уже не только наций, но и военно-политических и иных коалиций, созданных на базе ЛЧЦ. Учитывая же, что абсолютное большинство информационных ресурсов находится в руках одной, западной, ЛЧЦ, сказанное означает, что её стремление сохранить существующие нормы и правила в мире означает стремление обеспечить своё доминирование, в том числе и в информационном пространстве и в нормах социально-политического характера.

Социально-политическая сущность социальных сетей проявляется в самых разных аспектах, включая, например, их способность к активизации и организации политической де-

тельности самых разных субъектов и акторов международной обстановки и политики – от представителей правящей элиты (которым она даёт мощный инструмент влияния), общества (сети позволяют поставить под сомнение всевластие элит), государства (возможность навязывать свой курс) и т.п. Оказывается, в конечном счёте, что всё зависит от того, как тот или иной субъект или иной актор политики и МО воспользуется такой возможностью¹. Другими словами, сегодня надо понимать, что создание, контроль и использование такого ресурса как сеть, способного производить заданные смыслы и воздействовать на общественное сознание, предполагает важную часть политики безопасности, включая контроль государства над социальнo-политической ситуацией в стране.

Сеть может стать «шпагой» для нанесения точечного удара по субъекту политики (конкретному лидеру, как Х. Клинтон, в избирательной кампании США), но может стать и оружием массового поражения (в «оранжевых революциях») или даже оружием массового уничтожения (в борьбе сверхдержав или коалиций ЛЧЦ) [22, с. 275 - 325]. Как справедливо в этой связи замечает Т. Грачёва, «Сеть обладает колоссальным разрушительным потенциалом. Проникая в политические и духовные пространства, она начинает действовать как новый вид оружия массового поражения в развернувшейся мировой войне за глобализацию. Эту войну ведут силы глобализации, использующие влиятельные страны как инструмент для достижения своих целей по установлению нового мирового порядка. Одним из главных таких инструментов являются США» [1, с. 147], которые, необходимо обязательно добавить, являются не только лидерами военно-политической коалиции западной ЛЧЦ, но и сконцентрировали в своих руках (и в руках своих корпораций) огромные ресурсы Сети.

Это мощное оружие может быть в самых разных руках, но, прежде всего, в руках государства (и его институтов), либо в руках акторов, выступающих против этого государства. Сеть, как особый вид оружия в войне в политическом пространстве, имеет необычную мишень. Эта «мишень» или цель – государство, препятствующее разгулу своеволия отдельных субъектов политики, прежде всего крупных корпораций, партий и институтов.

Это – «вертикаль» государственного управления и иерархия. Противоборство сети и иерархии, политики сетцентричности и политики централизма, является главной конфронтационной парадигмой современной эпохи, а осознание того, в чем суть этой войны, служит ключом к пониманию настоящего и будущего. Т. Грачёва полагает, что «Иерархия есть стержень государственного устройства и государственно-сти, которая является главным препятствием на

пути утверждения нового тоталитаризма, где в итоге все народы должны быть подчинены одному властителю. В христианстве его называют антихристом» [1, с. 147].

Социальная сеть, будучи в руках крупных корпораций, может поддерживать «правила игры» властвования. Как признает Б. Маккеннелл, «в киберпространстве, как и в других областях, власть принадлежит корпорациям и государству» [15, с. 136]. Пример с победой Д. Трампа этому отнюдь не противоречит: корпорации и сети допустили к власти часть истеблишмента, который изначально поставлен в узкие рамки норм поведения всей нации, т.е. рамки социального компромисса со средним классом США.

Наконец, социальная сеть – это интерактивный многопользовательский сайт, смысловой контент которого наполняется его посетителями. Это социальная структура, состоящая из отдельных людей, организаций, групп, связанных между собой общими интересами и виртуальными взаимоотношениями. Причём эти связи развиваются стремительно, лавинообразно (но отнюдь не бесконтрольно). Приведём несколько фактов, которые показывают рост влияния социальных сетей в мире. Для достижения аудитории в 50 млн человек радио понадобилось 38 лет, телевидению – 13 лет, интернету – 4 года, социальная сеть Facebook получила 100-миллионного пользователя меньше чем за 9 месяцев. 96% молодых людей, рожденных в 1970–1990 гг. (так называемое поколение Y) состоят в социальных сетях. Будучи подверженными эффекту «стрелы времени», они резко увеличивают количество и качество производимого знания [8], что непосредственно влияет на характер деятельности и политиков, и простых людей.

Сети привели к феномену «возвращения масс в политику» – сетевые активисты в доступной для них форме участвуют в социально-политической жизни, причём не только собственной страны. Так, на сайте Белого дома они не раз организовывали социологические опросы и протесты по тому или иному поводу. Стало нормой то, что любой политик имеет своё присутствие в социальных сетях и реакцию на это присутствие, что тщательно отслеживается и анализируется. Это «возвращение в политику» огромных масс граждан неизбежно ведет к повышению социальной активности и «доступности власти», которая попадает в определенную зависимость (иногда очень сильную) от социальных сетей и тех, кто ими манипулируют [18, с. 73 - 76].

Некоторые учёные справедливо считают, что «многочисленные стихийно возникшие объединения граждан, недовольных текущей экономической и политической ситуацией, становятся заметными акторами в мире политики. Выражая несогласие с тем, как избранные представители распоряжаются делегированными им пол-

¹ **Возможность** – зд. результат сложения потенциалов и намерений, а не только собственно материальных возможностей.

■ Исследовательские статьи

номочиями, участники подобных объединений и организаций показывают успешный пример самоорганизации, пусть даже их деятельность разворачивается лишь в немногих отдельных областях» [12, с. 194]. При этом перспектива перенести существующий сетевой принцип на пространство целого региона или даже страны довольно высока. Десятилетия репрезентативной демократии могут в одночасье смениться непосредственным правотворчеством народа, который, волею практически всех конституций демократических государств, представляет источник и суть власти. Тем более, что современные информационные технологии предоставляют для этого все возможности. Другое дело, что такое «правотворчество народа» пытаются с помощью инсценированных смыслов контролировать акторы иностранных государств, их специальные службы или корпорации, которые умело выдают свои трактовки «свободы» и «демократии» за народные. Получается парадокс: государство и общество заинтересованы в максимально быстром и эффективном процессе создания и развития институтов, прежде всего, реализации человеческого капитала, – главной цели социально-экономического развития, – а с другой стороны, государство должно контролировать и сдерживать их развитие из-за опасений их использования в деструктивных целях [16].

Следовательно, перед законной властью в государствах поставлена нелегкая задача одновременно содействовать развитию и защитить целые социальные слои и группы, а также отдельные группы, отличающиеся по самым разным признакам, от манипулирования извне, интегрировать широкие народные массы в легитимный политический процесс, дать людям возможность непосредственно инициировать, принимать и исполнять решения. Один из существующих инструментов для практической реализации этой задачи является электронная демократия [13, с. 193].

Поколение Z, рожденное в 1990–2000 гг., ещё более широко использует социальные сети и в основном уже не переписывается по E-mail. Социальные сети обрели популярность во многом благодаря новым возможностям, которые они дают пользователям. Все сайты, разработанные для создания на их основе социальных сетей, поддерживают ряд общих опций. Среди них: указать информацию о себе; присутствие на сайте (увидеть того, кто в настоящее время находится на сайте, и вступить в диалог); описать отношения между двумя пользователями (друзья, члены семьи, друзья друзей ит. п.), включая общение с другими участниками сети – отправлять им личные сообщения, комментировать материалы; сформировать группы и сообщества по интересам; узнать статус другого участника, проследить его поведение внутри социальной сети.

По мнению В. Лешаковой, все гражданские инициативы можно условно разделить на «конфликтные» (выступающие против чего-либо и

защищающие свои интересы) и «поддерживающие» (нацеленные на реализацию каких-то интересов, выступающие за определённые инициативы). Дуглас Рашкофф, американский публицист и автор термина «медиаактивизм», назвал такие инициативы медиавирусами. Этим термином он маркировал медиасобытия, способные тем или иным образом влиять на изменения в жизни общества, выполняя функцию *эффекта бабочки*. Его суть в том, что даже, казалось бы, *малозначимые* действия в условиях сложного социума способны вызвать *лавинообразные рискованные последствия*, которые *проявляются нелинейно во времени и пространстве*. Под влиянием эффекта бабочки явно стабильные режимы, пишет британский социолог Дж. Урри, вдруг оказываются в коллапсе [31, с. 237]. «Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще – нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее, отношения между переменными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствия» [30, с. 23]. Из этого следует, что в сетевых взаимодействиях необходимо учитывать рисковенность даже, на первый взгляд, «малозначимых действий» – они, попав в социальные сети и получив там политически заданный ракурс инсценирования, могут обернуться рисками, в отношении которых трудно принять однозначно «верное» решение [10, с. 134 - 144].

Начало эпохи «сетевой демократии», стимулирующей как функциональную, так и дисфункциональную социальную активность, положено [19, с. 189]. Эта социальная активность часто не имеет какой-либо внешней четкой направленности и поэтому не может прогнозироваться, а тем более планироваться. Иногда в качестве эффекта бабочки может стать появление какой-то песни, игры или персонажа буквально взрывает Интернет, хотя для этого нет видимой причины. Это означает широкий спектр для манипулирования обществом, когда ему могут «подбрасываться» несостоятельные, весьма рискованные для функциональности общества, но модные идеи. К числу опасных идей, например, можно отнести тенденции поведения различных экстремальных социальных групп – от фанатов и «зацеперов» до самоубийц.

У социальных сетей есть уникальная социальная функция – возможность поделиться с другими участниками значимыми для них материалами, например, фотографиями, документами, ссылками, презентациями и т.д. Это резко расширяет активность по организации того или иного процесса в своих интересах (например, привлечь широкий круг пользователей к решению какой-либо научной, общественной, политической, иной проблемы. Сети можно условно

разделить на общедоступные, для которых не важны профессиональные, возрастные и гендерные особенности участников, и специальные, которые создаются для участников, объединённых по определённому признаку [5, с. 38].

Всё сказанное имеет прямое отношение к силовой политике Запада, включая внешнюю и военную политику. Насилие, рассматриваемое сегодня Западом в качестве неизбежного средства политики, может сильно выиграть, если в его основе лежит возможность социальной дезинтеграции общества вероятного противника по трём основным критериям:

- социальному;
- религиозному;
- этническому.

В любом из этих случаев может быть создано сетевое сообщество с разными аспектами деятельности и активности, максимально учитывающее специфику среды. В качестве главной характеристики новой войны описывается то, что раньше воспринималось как обычные партизанские войны и мятежи, а теперь плавно переходит в форму социальной сетевой войны и становится глобальной войной – в пределе: мировой гражданской войной (мятеже войной по терминологии Е.Э. Месснера). Для адекватного описания форм социальных сетевых войн эксперт «РЭНД-корпорации» Джон Аркилла ввёл в научный оборот термин «роение» (swarming), проявляемое во множественных «микродействиях» и «стычках»: разного рода публичные и массовые мероприятия, сюжеты в СМИ, умело навязанные диалоги и переговоры, вооружённые столкновения и т.д. и т.п. Нет больше линии фронта, а есть многомерное пространство войны и мира в политике, культуре и экономике, науке и технологиях, на улицах городов и в «мировой паутине», где не прекращается противоборство, которое формально, внешне, не переходит в вооружённую стадию, но отнюдь не становится от этого менее опасным. В этой войне в ход идут и убийства, и террористические акты, и вполне демократические дебаты, статьи в прессе и политические перевороты [23, с. 168].

Переход по нарастающей от одного этапа эскалации к другому всегда сопровождается повышенной активностью в социальных сетях. На первых этапах – информационно-когнитивных – создаются сообщества читателей и сторонников, участников дискуссий, нередко не имеющих четко выраженных социальных или политических пристрастий и поэтому внешне «привлекательных для всех». Позже выделяются активные сторонники, которые могут использоваться уже в качестве активистов, редакторов, комментаторов и даже организаторов. На этой стадии находятся, например, даже официальные сайты правительства, родов войск или командований США. Такие, как сайт Центрального командования «Евразия». Ещё позже эти активисты превращаются в сообщества «любителей спорта» «книг» или, как на Украине, литературы,

И только иногда дело доходит до прямых авиаударов. Аркилла и его коллеги особенно подчёркивают, что основной силой в такой сетевой войне сегодня становится бурно растущий третий социальный сектор: весь огромный диапазон неправительственных организаций самого разного характера (nongovernmental organization – NGO) [11, с. 30 - 35].

Наконец, российские исследователи отмечают, что сегодня мы становимся свидетелями ещё одного серьёзного поворота в течениях современного бизнеса и социальных тенденций: от традиционной, закрытой экономики мир переходит к открытой, гармоничной, прозрачной «Викиномике» (Wikinomics). Перспективно мыслящие руководители превращают свои организации в открытые сетевые корпорации, поддерживая сотрудничество с экспертами и клиентами в глобальном масштабе. Первым примером успешного применения модели «Викиномики» стала интерактивная энциклопедия «Википедия». Эксперты всего мира объединились для того, чтобы создать интерактивный справочный сайт. Не нужно нанимать исследователей, писателей и людей, занимающихся проверкой фактов, выплачивать им гонорары [13, с. 137]. Между тем именно на таких информационно-справочных сайтах формируется (привносится, либо исключается) понятийный аппарат и понятийное мышление, который необходим тем, кто контролирует эти ресурсы. Так, в зависимости от инсценированной трактовки (внешне сугубо объективной) и упоминания или не упоминания того или иного события, оно позже переключивается в статьи, книги, выступления и пр.

Основным двигателем «Викиномики» являются глобальные каналы связи. Сегодня Web превращается из среды представления, создателей которой ранее беспокоили вопросы слабой визуализации и недостаточной гибкости, в информационное пространство нового поколения Web 2.0 – гигантскую вычислительную платформу, способную предоставлять осязаемые услуги. Взрывообразный рост пропускной способности способствовал тому, отмечают эксперты, что «на смену дорожке шириной в метр пришла огромная и удобная магистраль».

Ещё одним двигателем развития социальных сетей является миниатюризация чипов, камер, микрофонов и т.д., стремительный рост скорости передачи информации и объёмов памяти. Этот процесс – способность наделить интеллектуальностью любые, даже самые «неповоротливые» и неожиданные устройства – от предметов обихода до инструментов интеллектуального труда, сделает в ближайшем будущем ещё одну революцию в информационной области. Уже сегодня, например, в самых сложных изделиях систем ВКО С-400 при изготовлении во всех инструментах размещены чипы, которые показывают степень износа и прочие характеристики инструмента.

■ Исследовательские статьи

Особое значение для повышения эффективности процесса подготовки и принятия решений и ускорения научно-технического развития имеют – методы привлечения через социальные сети талантливых изобретателей, аналитиков и экспертов, что дает иногда весьма значимый эффект. Так, в корпорации Procter & Gamble около 20% новых разработок проводится за пределами организации, причём их эффективность настолько высока, что руководство компании хочет довести эту долю до 50%. Вот недавний пример. Корпорации нужно было найти формулу вещества, позволяющего выводить пятна вина с одежды. Её руководство обратилось к химикам всего мира, предложив премию в 50 млн долл. за самый удачный вариант. Победитель обнаружился очень быстро. «В данном случае руководство P&G, вместо того чтобы воспользоваться услугами многочисленных собственных специалистов, решило привлечь к решению задачи лучшие умы человечества. Дополнительным преимуществом данного подхода является то, что премию получает автор действительно самого достойного варианта» [14, с. 138]. Это необходимо иметь ввиду при создании и совершенствовании системы государственного военного и экономического управления, которые сегодня в минимальной степени используют этот ресурс [4, с. 3-4].

Исследователи отмечают, наиболее известным примером успешных результатов свободного и открытого сотрудничества является операционная система Linux, созданная «цифровыми ротарианцами» (официальная цель международной организации Rotary International — всемерно поощрять и воплощать служение обществу как основу созидательного предпринимательства). В прошлом корпорация IBM тратила на разработку каждой из своих закрытых операционных систем около 900 млн долл. За счёт сотрудничества с сообществом Linux и внедрения инноваций на основе платформы с открытым исходным кодом IBM экономит сейчас на научно-исследовательских работах 800 млн долл. [14, с. 139].

В этой связи основной вопрос заключается в том, **кто** фактически контролирует социальные сети, ведь так или иначе их создание и успешное внедрение требует огромных ресурсов, а также **как** эти сети функционируют.

Если говорить о том, кто контролирует основные социальные сети, то неизбежно приходишь к выводу о том, что такой контроль концентрируется в очень узком круге организаций и лиц, несмотря на всю внешнюю «демократичность» социальных сетей. Как уже говорилось, это, прежде всего, государство и его институты, а также крупнейшие корпорации, способные проинвестировать и продвинуть проект социальных сетей, требующий большой капитализации и множества партнёров. В то же время, по мнению, например, Т. Грачёвой, это могут быть [1, с. 150]:

1) транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ), включая Всемирный банк;

2) наднациональные глобальные структуры (ВТО, различные клубы – Парижский, Лондонский, Римский и т.д.);

3) номинальные государства, то есть государства, в которых власть оказалась под контролем сетевых структур и которые в силу этого утратили свою иерархичность, государственность и суверенитет, став частью глобальной сети;

4) неправительственные организации, направляющие свою деятельность на формирование сетевого сознания и сетевого мироустройства;

5) международные и надгосударственные альянсы, действующие в интересах сетевого сообщества и мироустройства (включая НАТО);

6) религиозно-этнические группы (диаспоры), стремящиеся к мировому господству;

7) деструктивные религиозные организации (тоталитарные секты и сектоподобные организации);

8) международные преступные организации;

9) международные террористические организации, устанавливающие мировой сетевой порядок с помощью террора;

10) тайные масонские общества, включая Бильдербергский клуб, Трёхстороннюю комиссию, Совет по международным отношениям, разные ордены (тамплиеров, иллюминатов, мальтийский), всякого рода клубы (Лайонс, Ротари и т.д.), а также множественные масонские ложи;

11) частные военные компании.

Подчеркнём, несмотря на внешнее разнообразие, все сетевые структуры образуют единую глобальную сеть, охватывающую мир. Их объединяет не только общий принцип организации, но и общая цель – построение сетевого мирового порядка, где нет места государству, нации, традиционной религии (монотеизму), государственности и семейному укладу [21, с. 4 - 44]. Сетевые структуры, каждая в своей области, создают новый порядок, реализуя частные сетевые стратегии, используя специфические технологии, направленные на формирование сетевой личности, воздействуя не только на массовое сознание, но, прежде всего, на политическое руководство целых государств [1, с. 150]. По сути дела сетевые структуры и являются новым мировым порядком, формирующим нормы, правила и регулирующие все стороны общественной и политической жизни. Политика, общественная жизнь, экономика уже строятся в соответствии с этим новым мировым порядком, а степень его контроля тем или иным государством определяет не только влияние на нормы и ценности этого порядка, но и диктует правила поведения другим участникам МО, у которых осталось пока некоторая возможность

влияния на этот процесс. Этой возможностью можно и нужно воспользоваться.

Все уязвимости сети так или иначе обусловлены прагматическим вектором инновационной, научно-технической деятельности человека. Их глубинные причины, по большому счёту, лежат в выбранном векторе развития *самого знания* (умаление значимости социо-гуманитарных достижений), дисфункциональные последствия чего сказываются на безопасности цивилиза-

ций, государств, обществ, людей. Вместе с тем, их можно, по крайней мере, минимизировать за счёт интеграции естественных, социальных и гуманитарных наук на основе принципов гуманистического поворота – разворота вектора развития всего научного знания к гуманистическим целям [9, с. 11 – 18; 6, с. 12 - 23], имея в виду, что сегодня требуется разработка новых идеалов гуманизма, адекватных реалиям сетевого общества, его вызовам.

Список литературы

1. Грачёва Т. Сеть против иерархии // Дипломатика. 2012. № 4. С. 146 – 156.
2. Грин Р. 33 стратегии войны. М.: РИПОЛ, 2016. 896 с.
3. Егоров Е. Россия в зеркале упражнений НАТО над Украиной // Дипломатика. 2012. № 4. С. 180 – 182.
4. Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад /П.М.Шмелёв, А.И.Подберезкин (и др.). М.: МГИМО-Университет, 2014. 159 с.
5. Каргина Т. Интернет-сервисы для гражданских активистов в примерах и картинках. М.: АСИ, 2011. 88 с.
6. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12-23.
7. Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия: учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016. 431 с.
8. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота: монография. М.: МГИМО-Университет, 2015. 342 с.
9. Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 11-18.
10. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 302 с.
11. Крупнов Ю., Калашников М. Гнев орка. М.: АСТ/Астрель, 2003. 512 с.
12. Лешакова В. Сетевая демократия – подлинное народовластие? // Дипломатика. 2012. № 4. С. 193 – 195.
13. Ломбарди Р. Викиномика – экономика сотрудничества // Дипломатика. 2012. № 4. С. 137 – 138.
14. Макконнелл Б. Сетевое сообщество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. №2. 07.03.2016. С. 130 – 140.
15. Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации – от приматов до роботов. М.: Кучково поле, 2016. 592 с.
16. Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т.3. Идеология русского социализма. М.: МГИМО-Университет, 2011. 848 с.
17. Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016. 338 с.
18. Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015. 169 с.
19. Попова Д., Назаретян К. Сетевая демократия // Дипломатика. 2012. № 4. С. 189 – 190.
20. Посольство США в Москве выразило беспокойство блокировкой LinkedIn в России // ТАСС. 18.11.2016. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/3794842> (дата обращения 03.12.2016).
21. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад / А.И.Подберезкин и (др.). М.:МГИМО-Университет, 2014. 44 с.
22. Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М.: МГИМО-Университет, 2016. 743 с.
23. Третьюхин М. Электронные поля мятежевойны // Дипломатика. 2012. № 4. С. 163 – 170.
24. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 03.12.2016).
25. Федоров Е. Госпереворот. Технология предательства. СПб.: ИГ «Весь», 2016. 180 с.
26. Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2007. 216 p.
27. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 240 p.
28. Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
29. The National Military Strategy of the United States of America. Washington: GPO, 2015. June. The United States Military's Contribution To National Security. 2015. June. 24 p.

■ Исследовательские статьи

30. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
31. Urry J. *The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society*, 2005. Vol. 22. No. 5. Pp. 235-254.

Об авторе

Сергей Александрович Кравченко – д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Алексей Иванович Подберезкин – д. и. н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России. E-mail: podberезkin@gmail.com.

Работа выполнена в соответствии с грантом РФФИ № 16-18-10411 «Институциональное доверие к научному знанию в условиях новых рисков и уязвимостей в системе безопасности современной России».

SOCIAL NETS AS A NEW FACTOR OF SYSTEM SECURITY IN RUSSIA IN THE 21ST CENTURY

S.A. Kravchenko, A.I. Podberезkin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Institute of Sociology RAS, Krzhizhanovskogo Street, 24/35, korpus 5, 117218, Moscow, Russia.

Abstract: *The article analyzes the interconnection of social aspects of the Internet and security issues in Russia. It shows that contemporary realities acquire global network character that has ambivalent impact on the development of civilizational and social interactions. On the one hand, social networks offer new opportunities for interaction between people living in different countries, on the other hand - they can be used for exclusion at the global level which objectively produces new risks and vulnerabilities. Special consideration is given to fabrication of global risk in social networks, which may provoke military-political conflicts and even wars. In the context of growing pragmatism and globalization of activities of agents of Western civilization the networks take on the quality of the new and highly effective weapon intended to destroy and destroy high-priority policy objectives. The authors analyze the nature of contemporary politics and the war from the perspective of social networks as policy and war tools. Overcoming new security risks and vulnerabilities authors see in the ways of changing the vector of development of scientific knowledge from a pragmatic to a humanist mode.*

Key words: social networking, networked society, mock, the international situation, the military-political situation, state security, information warfare, new weapons, new methods of warfare, humanistic twist.

References

1. Gracheva T. Set' protiv ierarkhii [The Net against Hierarchy]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, pp. 146-156. (In Russian).
2. Greene R. *The 33 Strategies of War*. New York, Profile Books, 2006. 496 p. (Russ. ed.: Grin R. *33 strategii voyny*. Moscow, RIPOL Publ., 2016. 896 p.).
3. Egorov E. Rossiia v zerkale uprazhnenii NATO nad Ukrainoi [Russia in the Mirror of NATO's Exercises over Ukraine]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, pp. 180 – 182. (In Russian).
4. *Informatsionno-analiticheskaia sistema strategicheskogo planirovaniia protivodeistviia ugrozam natsional'noi bezopasnosti* [Informational and Analytical System of Strategic Planning of Resistance to the Threats to the National Security]. Shmelev P.M., Podberезkin A.I. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 159 p. (In Russian)
5. Kargina T. *Internet-servisy dlia grazhdanskikh aktivistov v primerakh i kartinkakh* [Internet services for Civil Activists in Pictures and Examples]. Moscow, ASI, 2011. 88 p. (in Russian)
6. Tret'iukhin M. Elektronnye polia miatezhevoiny [Electronic Fields of Rebel-lion War]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, pp. 163 – 170. (In Russian).
7. Kravchenko S.A. Vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota v sotsiologii [The Need for Humanistic Turn in Sociology]. *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*, 2013, no. 1, pp. 12-23. (in Russian)
8. Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskaja diagnostika riskov, uiazvimostei, doveriia* [Sociological Diagnostics of Risks, Vulnerabilities and Trust]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 431 p. (In Russian).

9. Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vreme-ni»: vstrebovannost' gumanisticheskogo povorota* [Sociological Knowledge through the Prism of the "Arrow of Time": the Need for Humanistic Turn]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 342 p. (In Russian).
10. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya v dvizhenii k vzaimodeistviu teoretiko-metodologicheskikh podkhodov* [Sociology on the Move towards the Interaction of Theoretical and Methodological Approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2011, no. 1, pp. 11-18. (In Russian).
11. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya riska i bezopasnosti* [Sociology of Risk and Security]. Moscow, Iurait Publ., 2016. 302 p. (In Russian).
12. Krupnov Iu., Kalashnikov M. *Gnev orka* [Rage of the Orc]. Moscow, AST/Astrel' Publ., 2003. 512 p. (In Russian).
13. Leshakova V. *Setevaia demokratiia – podlinnoe narodovlastie?* [New Democracy – True Democracy?]. *Diplomatika*, 2012, №4, pp. 193 – 195. (In Russian).
14. Lombardi R. *Vikinomika – ekonomika sotrudnichestva* [Wikinomy - Economy of Cooperation]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, 137 – 138. (In Russian).
15. Makkokonnell B. *Setevoe soobshchestvo i rol' gosudarstva* [Net Community and the Role of the Government]. *Rossia v global'noi politike – Russia in Global Affairs*, 2016, no. 2, pp. 130 – 140. (In Russian).
16. Morris I. *War! What is it Good For?: Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2014. 512 p. (Russ. ed.: Morris I. *Voina! Dlia chego ona nuzhna? Konflikt i progress tsivilizatsii – ot primatov do robotov*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 592 p.).
17. Podberезkin A.I. *Natsional'nyi chelovecheskii kapital* [National Human Capital]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2012, vol. 3. 848 p. (In Russian).
18. Podberезkin A.I. *Strategiia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke* [Strategy of National Security of Russia in the 21st Century]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 338 p. (In Russian).
19. Podberезkin A.I. *Tret'ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie k is-sledovaniiu* [The Third World War against Russia: Introduction to the Research]. Moscow, MGIMO-University, 2015. 169 p. (In Russian).
20. Popova D., Nazaretian K. *Setevaia demokratiia* [New Democracy]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, pp. 189 – 190. (In Russian).
21. *Prognozirovaniye mezhdunarodnoi situatsii: ugrozy bezopasnosti i voennaia politika Rossii: analiticheskii doklad* [Forecast of the International Situation: Security Threats and Military Policy of Russia: Analytical Report]. Ed. by A.I. Podberезkin. Moscow, MGIMO-University Publ., 2014. 44 p. (In Russian).
22. Presidential Decree *On the Russian Federation's national security strategy* of December 31, 2015 № 683. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (Accessed 12.03.2016). (In Russian).
23. *Strategicheskoe prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii* [Strategic Forecasting of International Relations: Monograph]. Ed. by A.I. Podberезkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-University, 2016. (In Russian).
24. TASS. 18 noiabria 2016 g. [TASS. 18 November 2016]. Available at: <http://tass.ru/obschestvo.ru> (accessed 12.09.2016).
25. Fedorov E. *Gosperevorot. Tekhnologiya predatel'stva* [Coup D'etat. Technology of Betrayal]. St. Petersburg, IG «Ves'», 2016. 180 p. (In Russian).
26. Beck U. *Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press, 2007. 216 p.
27. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010. 240 p.
28. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Second ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
29. *The National Military Strategy of the United States of America*. Washington: GPO, 2015. June. The United States Military's Contribution To National Security. 2015. June. 24 p.
30. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
31. Urry J. *The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society*, 2005. vol. 22, no. 5, pp. 235-254.

About the author

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Sociology, head of sociology department, Moscow State University of International Relations MFA, Russia. Chief Researcher at Institute of Sociology RAS. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Alexei I. Podberезkin – Doctor of Economics, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO. E-mail: podberезkin@gmail.com.

The article is written with the financial support of RSF grant № 16-18-10411.